

Алексей ГРИШИН

ОДЕССКИЙ ТРАМВАЙ

Одесский трамвай — лучший в мире транспорт, сопоставимый разве что с трамваем евпаторийским или лиссабонским. Он идет медленно, без рывков. Никакой "Мерседес", а "жигуленок" — тем более — ему не конкуренты. И он это знает и спокойно показывает сидящим в нем зрителям старое, но постоянно новое кино: "Большой фонтан", "Даму на балконе". Немного наискосок (потому что на повороте) проплывает в каменных рыцарских доспехах "Приморская готика" на сюжет Французского бульвара. И никуда не деться от черно-белой ретроспективы неореализма, пытающегося упаковать сразу всю тяжесть жизни в подлинность непримуданной детали.

А деталь — вороненая створка ворот. Кружевная. По корням — итальянка, она очень хочет попасть хотя бы в короткометражку. И попадает. Причем чуть ли не на главную роль. Кованая? Или литая? Не разглядеть сквозь наслоения краски. Но загаданная загадка застывает крупным планом, уводит в далекую историю, поставившую этот фильм.

Город возник из расчерка пера: вначале был рескрипт поклонники Вольтера, хотя и не вольтерьянки — слово письменное. Строился с нуля — адмиралом под присмотром фельдмаршала и — в силу всех этих причин — быстро и расчетливо. Того же требовал и более широкий контекст — дух эпохи, заканчивавшийся век просвещения и классицизма. Строительство закрепляло итог сразу нескольких военных кампаний, в ходе которых огромная империя, находившаяся на подъеме, реализовала идею "окна в Европу" на юго-западном направлении. И рескрипт недвусмысленно предписывал: устроить... военную гавань купно с пристанью для купеческих судов.

Отсюда — дихотомия (врожденная) в характере города, приморского и заморского

одновременно, переселенческого, стремящегося через проливы в южные моря.

Зрители выходят — каждый на своей остановке. Кинотеатр на железных колесах заполняется новыми людьми. И недвижимостью снова начинается двигаться, обнаруживая неповторимое своеобразие стиля: в каждый проект вложено столько труда и индивидуализма, что гармония полифонии складывается не за счет формальных признаков, например, декора на фасаде, а гарантируется лишь талантом архитектора.

Протяженность маршрута позволяет, глядя на фризы и карнизы, консоли и аркатуру, играть в интересную игру, определяя их возрастные параметры и географические привязки. Получается любопытная кардиограмма. И возникает вопрос: если бы Дюк (француз), устав смотреть на Потемкинскую лестницу, решил размять ноги и прогуляться по центральной одесской улице — испанской (де Рибас Осип Михайлович — Хосе де Рибас, испанец по происхождению), сколько немцев и англичан, служивших на Черноморском флоте, встретилось бы ему по пути — на улице Пушкинской, символизирующей присутствие русской культуры? Сколько чиновников из иностранцев, добывавших успех по службе в его губернаторской канцелярии, сняли бы перед ним шляпу? Сколько преподавателей созданного им лицей на чистейшем французском поприветствовали бы его? Сколько иноземцев, привезших товар на продажу и оставшихся здесь навсегда, посмотрели бы ему вслед молча — по причине незнания ими языка, на котором к нему следовало бы обратиться? Наконец, сколько греков он насчитал бы на Греческой площади, от которой уже и до Молдаванки рукой подать?

Конечно, его прогулка могла состояться лишь в XIX веке. А на вопрос, обращенный в прошлое, ответ может быть

лишь приблизительным. Зато кардиограмма, о которой шла речь выше, точно показывает: каждый встречный, строя для себя дом, руководствовался своим собственным, включающим этнографическую составляющую, пониманием красоты.

Но есть и еще одна особенность в городском пейзаже, точнее — в его ритме: он не отделен от движения и внешнего вида средства передвижения, являющего собой материализованную в металле метафору вечного возвращения. По вдавленным в брусчатку рельсам, продолжающимся за горизонтом нормальной человеческой памяти, трамвай выкатывается в Одессу бунинскую, в окаянные дни... и в воздухе вдруг повисает золотое перо автоматической ручки, заправленной зелеными чернилами, и наяву, а не в литературных мемуарах, терпит крушение двухэтажный особняк, к массивной двери которого прикреплен кнопками листок бумаги — охранный грамота?

А чуть дальше (по той же колее), отгородившись кремовыми шторами от холодной темноты улицы, несколько интеллигентов участвуют (иллюзион прежней жизни) в литературном вечере, предвзвешенно расклеив афиши и дав объявления в газетах. Пришли только устроители. И, тем не менее, автор читает... "Сны Чанга". А на одной из афишек набрано: "Сны Чашка". В этой подробности так много Одессы, что достоверность происходящего не вызывает сомнений.

День сегодняшний возвращается через Куликово поле — по костям, мимо одинокого здания власти (теперь — тоже прежней). Метаморфоза ампиричного монументализма — сталинского, оно изолировано от жилого массива санитарной зоны заасфальтированного пустыря. И вся эта зона спрятана за деревьями — чтобы с глаз долой.

А "памятник" времени, которое еще только начинает

обретать прозрачность, напирает и выпирает, как обжора, нахальным животом — баннунвориш, не осиливший небоскреба и ограничившийся малоразмерной постройкой. Эту не обидишь и не спрячешь. Но, в целом, в мое отсутствие город не перестраивался и не перекраивался, а отстраивался заново — по краям. А в центр вернули цвет и свежесть линий. И отреставрированные дома стали похожими на резные шкалуки. Плотность рафинированно-интеллигентной архитектуры здесь так велика, что инородные вкрапления оказались просто невозможными. Конечно, были тому и другие причины, не видимые через трамвайное стекло. Какие из них главней (видимые или невидимые) спорить бесполезно: получится спор о курице и яйце.

В ликах города отражается архитектура его души — той самой (не каменной), которая обязана трудиться. Она и трудится. И не всегда (по профессии) в библиотеке. А тем, кому именно в библиотеке по профессии трудиться положено, не всегда хочется туда идти. Но на улицу приходится выходить ежедневно всем. И видимое неизбежно вступает во взаимодействие с не видимым, внешнее — с внутренним: сухие тени акаций, солнце, кожа каштанов, похожая на морских ежей, откровенно здоровый загар молодых одесситов, приобретенный в какой-нибудь Аркадии, трамвай, традиции общения едущих в нем людей...

Ветер перемен, по всей вероятности, скоро должен подвергнуть испытанию на прочность стены сотен доходных и не доходных (в любом случае, до сих пор — жилых) домов, построенных до 17 года. Пусть они не самые знаменитые (речь не о нескольких антикварных зданиях, судьба которых защищена от произвола законодательной базой), но, тем не менее, входят в культурный слой, определяющий облик

Одессы. Их ждут — наряду с реставрацией — реконструкция, ремонт и (при наличии веских оснований) снос. Начало этих работ выявит в полном объеме перенумерацию ступенек на социальной лестнице, состоявшуюся несколько лет назад, и средствами архитектуры зафиксировать передел собственности в сфере недвижимости.

Жилье как таковое меня не интересует. Но мне интересно, поскольку... о культурном слое, как ответили бы градостроители и отцы города на вопрос: что такое культура? Теоретически все мыслимые формулировки имеют право на существование. И если кто-то скажет, что культура — это все, что находится вокруг человека — к чему он вольно или невольно (но не бесследно) прикоснулся, я соглашусь. Но справедлива и другая формулировка: культура насковозь аристократична, и (следовательно) все, что окружает человека (трансформировано его деятельностью) и находится в нем самом, нужно делить на культуру и бескультурие. И вопрос в том, кто в данном конкретном случае будет отвечать за деление? Какая концепция с точки зрения охраны памятников культуры заложена в градостроительных планах? Кто их составляет? И сохранилось ли в результате их проведения в жизнь (это и будет характеризовать их эффективность и продуманность) музыкальное училище, в котором Бунин читал свой рассказ — "Сны Чанга"?

Прежде чем положить перед собой чистый лист бумаги, прошу одессита, пишущего — стихи и прозу: напиши об Одессе! Загорается, собирается, но... не пишет.

А трамвай останавливается не только на остановках — бывает, что на разветвлении путей нужно перевести стрелку вручную. Так подзаводят породистые часы. Поэтому вагон трогается и отправляется на новый круг.

(Москва.)

Всеволод ЛЮМКИС

ПАПА СИМА

По паспорту его зовут Иегошуа Ицкович Симаров-Хусид. В разговоре его уважительно называют Симон Исаевич. А за глаза, но при этом не менее уважительно — Папа Сима.

Когда-то, еще до войны, Папа Сима пел в Одессе куплеты. Но к тому времени, когда мне повезло с ним познакомиться, он давно уже сменил одну уникальную профессию — куплетиста — на другую, не менее уникальную — прокатчика. Нет, нет, он не прокатывал сталь или трубы, он прокатывал артистов — организовывал их гастроль. А ведь времена были еще глубоко советские.

С кем он только не работал! Как-то раз при мне на старческую грудь к Папе Симе бросилась София Ротару, вся в слезах от радости встречи. "Соня, ну не надо! Ну, будет, Соня!" — успокаивал ее Симон Исаевич.

За нас он взялся после телевизионного успеха нашей команды КВН Одесского университета. А прокатчиком он был экстраклас-

са! Организация гастролей происходила примерно так: "Куда мы едем? В Нижневартовск?". Тут же снималась телефонная трубка и набирался Нижневартовск. "Алло, Ньюма? Там к тебе приедут ребята..." И дальше все шло уже само собой. Причем свой знакомый Ньюма был у Папы Симы в каждом Нижневартовске!

Или могло быть так: "Какой Кокчетав? Никакого Кокчетав! Вы не знаете их Кокчетавской филармонии! С ними нельзя иметь дело! Нет, если вы так уже хотите в Кокчетав, я сейчас позвоню Фиме в Кустанай, и он вам сделает и Кустанай, и Кокчетав!".

При этом в свои "за семьдесят" Папа Сима категорически отказывался быть стариком. Вот, например, прибыв в Махачкалу, мы стояли у окошка гостиничного администратора и с раскрытыми паспортами заполняли анкеты для поселения в гостиницу. Слева от Симона Исаевича стоял Вова Авербух (или просто Бух), как все мы его звали, а справа вста-

ла заполнять свой бланк Наташа Прудовская. И тут Папа Сима зашипел Буху страшным шепотом: "Вова, иди, стань от меня с той стороны!". Бух сначала не понял, потом удивился. "Вова, я тебе говорю — перейди от меня на ту сторону!". Пожав плечами, Бух встал между Папой Симой и Наташей. Через минуту, когда Наташа отошла, Папа Сима бросил Буху: "Просто я не хотел, чтобы она видела, что я 13-го года рождения".

В другой раз, в Архангельске, тогда еще молодой, горячий и не очень умный, но зато, как теперь говорят, "продвинутый" Эдик Неделько решил пошутить и вызвал в гостиничный номер к Папе Симе каких-то проституток. Девочки пришли. Эдик стоял в коридоре в предвкушении скорой и скандальной развязки. Ждать пришлось долго. Часа полтора — два. Наконец, девочки вышли. Папа Сима, улыбаясь, проводил их до лифта. При этом явно довольные остались все стороны, кроме

проторчавшего два часа в коридоре разочарованного Эдика.

Итак, Папа Сима старался не обращать внимания на свой почтенный возраст, но на это всеми силами обращала внимание его семья. Жена, дочь, зять и более дальние родственники считали, что Папе Симе давно пора отдохнуть, что в таком возрасте хватит уже разъезжать по этой стране от Ужгорода до Петропавловска-Камчатского, а давно уже надо ехать в другую страну и брать при этом билеты только в один конец. Папа Сима протестовал, но, в первых, их было больше, а во вторых, вода камень точит.

И вот мы уже провожаем Папу Симу на одесское вокзале. Какие-то молодые дамы вопят: "Симаров, как же мы тут без вас!". Жена шепчет Папе Симе на ухо: "Опять эти твои поклонницы!". И Папа Сима вместе с поездом в несчетный, но теперь уже, наверное, в последний раз трогается из родной Одессы. Трогается в Нью-Йорк, на пенсию.

...И вот семья уже какое-то время живет в Нью-Йорке. И вот уже зять Папы Симы Эдик Каменецкий — известный раньше в Одессе автор и исполнитель — имеет в Америке хорошую работу. И даже решает вместе с приятелями организовать свой самодельный театр для эмигрантов. Для будущего театра зака-

зываются костюмы. И Папа Сима просит зятя: "Эдик, пошей мне тоже костюм!" — "Симон Исаевич, зачем вам?" — "Ну, пошей!". Старик долго настаивал, и костюм был сшит.

Идет время. Сурова американская действительность. И не всегда у Эдика так хорошо с работой. И все реже вспоминает он об идее театра. Зато уехавший в Америку на отдых Папа Сима в новом концертном костюме выступает перед пожилыми одесситами эмигрантами практически регулярно. Выступает, собственно, перед теми, перед кем выступал всю жизнь. И, как и всю жизнь, неплохо кормит семью.

Как-то и нашей команде КВН довелось побывать в США. Конечно же, мы пригласили на наш концерт и Папу Симу. Прошел концерт замечательно, наши эмигранты — вообще очень благодарная публика.

После концерта Папа Сима пришел к нам за кулисы и молча сел на стул. Повисла пауза, которую он выдержал профессионально. "Ну что, Симон Исаевич, что вы скажете?" — не выдержали мы. "Что я скажу? — медленно повторил Папа Сима. — Вас еще можно прокатывать". И это было для нас самым высшим из всех возможных комплиментов, рецензий и оценок!